

Отступая – не сдаемся

Рассказ

Лушников А.Ю.

МБОУ гимназия №1 имени Пенькова М.И., г. Миллерово

Научный руководитель: Кононенко Ю.С., Учитель русского языка и литературы, МБОУ гимназия №1 имени Пенькова М.И., г. Миллерово

Степь гудела. Стонала и плакала от того, что творилось на ней. Который день тело ее рвали на части снаряды, она глохла от шума гудящих танков и автоматных очередей, она слепла от дыма горящих деревьев и трав. Ее обжигала горячая кровь солдат, крепко обнимавших ее раскинутыми в стороны руками. Который день шли тяжелые бои на южных подступах к Сталинграду.

Немцы начали наступать с самого утра. Наполовину обескровленная 57-я армия еще держала рубежи, но было понятно, что ей не выстоять. Первую на сегодня атаку отбили. Невдалеке дымились танки с белыми крестами. У одних были сорваны гусеницы, у других свернуло башни, из того, что был ближе к окопам, свисали обгоревшие трупы немецких солдат. А вокруг машин лежали мертвые фрицы, уставившись своими стеклянными глазами в русское небо.

Много наших солдат погибло в этом бою. Вот Сергей Рябов, молодой еще солдат с Брянщины, лежит со связкой гранат в руке, уткнувшись в землю. Не успел размахнуться, пуля пробила шею. А там Василий Луговой, донской казак, так свистел, что заслушаешься, бывало. Притих теперь на дне окопа, а руку его левую так и не нашли. Славка Седых, совсем мальчишка, студент-доброволец. Все переживал, что матери письмо не успел написать. Пули прошили его худую мальчишескую грудь, только и успел сказать: «Мама... Больно...».

Большая половина орудий была разбита. Тут и там по полю пробирались солдаты с красными крестами на рукавах, тащили раненых и убитых. Боеприпасы были на исходе, но каждый понимал, что фашисты скоро снова ударят.

Прислонившись к теплой земляной стене окопа, сидел на деревянном ящике из-под пулеметных лент Иван Крючков, молодой, но уже опытный солдат. Призвали его в мае 41-го, а после учебки сразу отправили под Киев. Там понюхал пороху, воевал смело и отчаянно, ранен был, в госпитале лежал, а потом снова на фронт. Вместе со всеми с боями отступал на восток. Как и все, Иван понимал: нельзя пускать врага в Сталинград, задержать надо любой ценой. А фашисты все напирали, не давали передохнуть, собраться с силами.

- Иван, - позвал чей-то охрипший голос, - как думаешь, придет подмога?

Это был земляк, Федор Нетреба. Он лежал на земле, подложив под голову котелок. Плечо его было забинтовано, но рана была легкая, и он еще мог держать оружие.

Помолчав с минуту, Иван сдвинул пилотку на затылок и сказал:

- Не знаю, браток. Может, и придет, а может, и нет. Ты глянь, какая каша заварилась. Думается мне, Федя, отступить прикажут, - солдат прикрыл глаза. – Ты подремай, силы понадобятся.

- Крючков, к ротному! Срочно! – послышалось над ухом, и Иван открыл сомкнутые усталостью глаза.

Через две минуты он уже был в землянке, где командир, только что говоривший по телефону с НП, делал пометки на карте.

- Товарищ командир, рядовой Крючков по вашему приказанию прибыл! – отчеканил Иван.

В землянке были еще двое солдат, и капитан сказал, обращаясь ко всем:

- Товарищи солдаты, пришел приказ об отступлении. Враг скоро снова пойдет на нас. Нам приказано сохранить остатки армии, продвигаться на восток, выходить из окружения. Там нас переформируют, и снова в бой. Товарищи солдаты, силы неравны, немец окружает, а мы не имеем права

попасть в плен. Слушайте приказ: любой ценой вынести знамя армии из окружения, к нашим. Постарайтесь, братцы.

Где-то вблизи громыхнул взрыв, потом еще один. Земля задрожала, посыпалась тонкими струйками из-под бревен наката.

- Поспешите, - торопил капитан. – Возьмите оружие, гранаты, но в бой постарайтесь не вступать. Пробирайтесь лесополосами.

Пока он говорил, молодой чернявый солдат стягивал с себя гимнастерку. Командир бережно отдал ему в руки алое полотно с золотыми буквами, на которое все смотрели с уважением и гордостью. Солдат, все звали его Сашка, обмотал знамя вокруг себя, надел гимнастерку и застегнул ремень. Все молчали, понимая, какое важное дело им доверено. Это знамя – символ армии, если оно цело, жива и она.

Через десять минут трое солдат уже были за ближайшей лесополосой. Несколько часов они шли, не останавливаясь, почти не разговаривая. На душе у каждого было тяжело. Оглядываясь назад, они видели столбы дыма и пыли, слышали гул танков.

Когда солнце поднялось высоко и горячий воздух стал обжигать легкие, солдаты остановились. Впереди было поле. Еще недавно на нем колосилась пшеница, а сейчас оно ошетинилось сухой стерней. Слева – речка, которую надо было перейти или переплыть. На том берегу недалеко было до Бекетовки, а там наши войска. Бойцы устало опустили на траву у небольшого леска, пожевали сухарей, запили их водой из фляжек и только собрались оправиться и идти дальше, как услышали звук приближающихся мотоциклов. Крючков раздвинул кусты и тут же лег в траву.

- Братцы, немцы!

По дороге не спеша двигалась мотоколонна. Впереди несколько мотоциклов с установленными на них автоматами, за которыми сидели солдаты, с опаской глядящие по сторонам. Дальше шли грузовики, крытые брезентом. Когда машины поравнялись с местом, где залегли наши солдаты,

стали слышны веселые крики, песни. Колонна остановилась на берегу, и из грузовиков высыпала радостная немчура.

- Небось, думают, что уже победили, - прошептал Сашка зло. – Не дождетесь.

- Теперь к реке просто так не подобраться, - сказал третий в группе, солдат Авдеев. Он был старше остальных. – Выход один: надо идти через поле.

- А если заметят. Лучше дождаться темноты.

- Мы должны торопиться, - сказал Авдеев.

Пригнувшись до самой земли, солдаты стали пробираться к полю. Им нужно было проползти метров двести, чтобы оказаться ниже по течению реки. Там они смогли бы переправиться.

Друг за другом они медленно ползли по затвердевшей земле. Покрытая пылью солдатская форма маскировала их, но острые стебли пшеничных колосьев невыносимо кололи, протыкая плотную ткань. Руки, подмышки, грудь, ноги обжигала боль. Иван чувствовал, что кожа как будто отрывается от мяса и стебли, как штыки, достают до костей. Но останавливаться было нельзя.

Оставалось совсем чуть-чуть, как вдруг позади послышались крики и выстрелы:

- Russisch soldaten!

- Partisanen!

Автоматная очередь прорезала воздух, и пули просвистели прямо над головой. Но увидев, что солдат всего трое, и, видимо, приняв их за дезертиров, фашисты перестали стрелять и только громко смеялись вдогонку.

Красноармейцы доползли до леса. Рукава и штанины в некоторых местах были разорваны и окровавлены. Кожа действительно была содрана до мяса. Тут только Иван заметил, что рукав Сашки пропитался кровью, а сам он лежал на спине и стонал от боли. Товарищи перевернули его и увидели, что он ранен. Пуля попала ему под лопатку и вышла возле ключицы. Ему едва хватило сил доползти до края поля.

- Ваня, - слабым голосом прошептал Сашка, - знамя... Забери его...
Донеси. Там, в Сталинграде, бейте их... Эх, жаль...

Чего было жаль Сашке, Иван уже никогда не узнал. Он достал его документы из кармана гимнастерки, осторожно размотал знамя, угол которого теперь был в крови, и спрятал все у себя за пазухой.

Солдаты похоронили своего товарища в мягкой горячей песчаной земле и решили все-таки ждать вечера, чтобы переправиться на другой берег. А пока они спрятались в гуще прибрежных кустов, доели сухари, запили их водой и стали ждать.

- Авдеев, - спросил Иван, - у тебя семья есть?

- А как же. Жена, дочки. Вот вернусь – будем все заново начинать. Дома нет, разбомбили, мои в эвакуации. А сам-то ты?

- Мать, отец. Не знаю, живы ли. Надеюсь, свидимся. Вот погоним фрицев проклятых назад – загляну домой на огонек.

Дождавшись вечера, солдаты решили переправляться. Раны на руках и ногах саднили, кожа зудела от пота и пыли, и им хотелось поскорее войти в прохладную воду. Раздевшись до исподнего, замотав драгоценный груз в гимнастерку, Иван с товарищем, медленно ощупывая дно ступнями, уходил все дальше от берега. Речка, узкая, но глубокая, тихо текла, не сбивая с ног течением. Оно отнесло их немного в сторону, и выплыли они в зарослях камыша. Уставшие, оба они упали на берег и старались отдышаться, когда слышали тихое, но твердое:

- Встать! Руки вверх!

«Свои!» - подумал Иван Крючков и, облегченно вздохнув, поднял руки над головой...

Каждый раз разглядывая фотографию своего прадеда, Крюкова Ивана Ивановича, я уверен, что именно так все и было. Он и другие солдаты смогли вынести из окружения знамя армии, а потом вместе с другими участвовали в

боях за Сталинград. Он прошел всю войну и закончил ее в Кёнигсберге. Я знаю прадеда только по воспоминаниям родных, но для меня он самый смелый и отважный человек.

Список использованных информационных источников:

1. Без срока давности.рф – Портал проекта «Без срока давности»;
2. <https://pamyat-naroda.ru/> - Портал «Память народа»;
3. <https://www.pobediteli.ru/> - мультимедийная карта Великой Отечественной войны;